

Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза¹ (часть 1)

Рубцов Г. Г., Мисько О. Н.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается вопрос актуальности совершенствования социальной политики стран — участников Евразийского экономического союза посредством механизмов «трансинституционального сотрудничества». Оно представляет собой межгосударственную интеграцию в рамках совместного совершенствования одного или нескольких инструментов государственной политики (в том числе социальной политики). Поднимается тема социального государства в контексте изучения различных областей социально-экономической жизни членов ЕАЭС: главного политического и правового документа страны — Конституции, национальной системы налогообложения, показателей качества жизни, уровня теневой экономики, уровня социального неравенства разных слоев населения и др. Сравнивается эффективность использования различных инструментов социальной политики стран ЕАЭС с целью выявления сильных и слабых сторон, а также потенциальной возможности их совершенствования в рамках «трансинституционального сотрудничества».

Цель. Цель исследования — проанализировать закономерности развития социальной политики Российской Федерации, республик Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Армении, рассмотреть их слабые места и точки роста с целью выявления потенциала для усиления интеграционных связей на базе унификации инструментов социального развития.

Задачи. Проанализировать различные направления социальной жизни стран — членов ЕАЭС, выявить сходства тенденций развития с целью создания базы для формирования единых социально-экономических преобразований. Продемонстрировать социальный инструментальный развития «трансинституционального взаимодействия» в границах Евразийского экономического союза.

Методология. Использованы методы: институционального анализа, сравнительного анализа — для сопоставления эффективности инструментов социальной политики в странах ЕАЭС, контент-анализа — при анализе документов (конституций) членов ЕАЭС на предмет выявления признаков, позволяющих идентифицировать государство как социальное, а также формально-логического анализа — при уточнении понятий «социальное государство».

Результаты. Рассмотрены принципы «социального государства» на примере стран — членов евразийской экономической интеграции. Проведен комплексный анализ инструментов социальной политики всех участников евразийской интеграции, предложены рекомендации по совершенствованию инструментария.

Выводы. Накапливающиеся нерешенные вопросы внутреннего характера заставляют руководство членов Евразийского экономического союза ускорять процессы построения безусловной политики социального государства. Решение подобной «социальной модернизации» в одиночку представляется труднореализуемым, в связи с этим предлагается пойти по пути коллективного решения социального вопроса через однонаправленную, унифицированную социальную поли-

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИР «Интеграционные процессы СНГ: проблемы, возможности и перспективы».

тику, построенную на основе «трансинституционального сотрудничества». Проведенный анализ инструментов социальной политики закладывает приоритеты при разработке членами ЕАЭС механизмов «трансинституционального сотрудничества». Республики Кыргызстан, Армения и Казахстан должны сосредоточиться на выработке унифицированной стратегии молодежной и миграционной политик, Российская Федерация и Республика Беларусь — сфокусироваться на вопросах старения населения, обеспечения пожилых граждан пенсионными накоплениями, а также поощрения развития институтов семьи и материнства.

Ключевые слова: социальная политика, ЕАЭС, Евразийский союз, институциональное сотрудничество, социальное государство, молодежная политика, миграционная политика, пенсия, пенсионная система, миграция, союзное государство

Для цитирования: Рубцов Г. Г., Мисько О. Н. Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 1).

Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023; 17 (1): 50–63.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-50-63>

Sustainable Development Management through Social Policy Instruments of the Eurasian Economic Union (Part 1)

Gennady G. Rubtsov, Oleg N. Misko*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

ABSTRACT

The article deals with the issue of the relevance of improving the social policy of the member countries of the Eurasian Economic Union through the mechanism of “transinstitutional cooperation” (TC) proposed by the authors of the work. It represents interstate integration within the framework of the joint improvement of one or more public policy instruments (including social policy). The topic of the welfare state is discussed in the context of studying various areas of the socio-economic life of the EAEU members: the main political and legal document of the country — the Constitution, the national taxation system, quality of life indicators, the level of the shadow economy, the level of social inequality of different segments of the population, etc. The effectiveness of using various social policy instruments of the EAEU countries is compared in order to identify strengths and weaknesses, as well as the potential for their improvement within the framework of “institutional cooperation”.

Aim. Taking into account the above, the purpose of the study was to analyze the patterns of development of the social policy of the Russian Federation, the republics of Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia, to consider their weaknesses and points of growth in order to identify the potential for strengthening integration ties based on the unification of social development tools.

Task. To analyze various areas of social life of the EAEU member countries, identify similarities in development trends in order to create a basis for the formation of unified socio-economic transformations. To demonstrate social tools for the development of “transinstitutional interaction” within the boundaries of the Eurasian Economic Union.

Methods. The following methods were used in the article: comparative analysis — to compare the effectiveness of social policy instruments in the EAEU countries, content analysis — when analyzing documents (constitutions) of EAEU members to identify signs that allow identifying the state as a social one, as well as formal-logical analysis — when clarifying the concepts “welfare state” and “institutional cooperation”.

Results. Based on the results of the study, the principles of the “welfare state” are considered on the example of the member countries of the Eurasian economic integration, the economic essence of “institutional cooperation” is formulated and proposed for implementation, designed to develop interethnic relations both within the union and beyond. A comprehensive analysis of the instruments of social policy of all participants in the Eurasian integration has been carried out, and recommendations for improving the instruments have been proposed.

Conclusion. The accumulating unresolved issues of an internal nature are forcing the leadership of the members of the Eurasian Economic Union to accelerate the processes of building an unconditional policy of the welfare state. The solution of such “social modernization” alone seems difficult to implement, in this regard, it is proposed to take the path of a collective solution of the social issue through a unidirectional, unified social policy built on the basis of “transinstitutional cooperation”. The conducted analysis of social policy instruments lays down the priorities in the development of mechanisms of “transinstitutional cooperation” by the members of the EAEU. The Republics of Kyrgyzstan, Armenia and Kazakhstan should focus on developing a unified strategy for youth and migration policies, the Russian Federation and the Republic of Belarus should focus on issues such as population aging, providing older citizens with pension savings, and encouraging the development of family and maternity institutions.

Keywords: social policy, EAEU, Eurasian Union, institutional cooperation, welfare state, youth policy, migration policy, pension, pension system, migration, union state

For citation: Rubtsov G. G., Misko O. N. Sustainable Development Management through Social Policy Instruments of the Eurasian Economic Union (Part 1). *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 50–63. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-50-63>

Введение

Дискуссия по вопросам государственной социальной политики приобретает за последние десятилетия все более острую форму без исключения во всех странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Общественное недовольство, связанное как с объективными внешними факторами — мировым экономическим кризисом, так и нарастающими нерешенными вопросами внутреннего характера, подталкивает социально-экономический блок правительств — членов ЕАЭС к ускорению реализации наметившегося к 2020-м гг. и столь необходимого поворота своих государств в сторону построения безусловной политики социального государства.

Подобное действо вызвано осознанием необратимых последствий сформировавшегося социально-экономического явления, способного серьезным образом пошатнуть и без того чувствительные к разного рода вызовам системы национальной безопасности. При этом представляется односторонним видение, трактующее сложившуюся на постсоветском пространстве ситуацию исключительно с позиции «надвигающихся препятствий и испытаний», но игнорирующее потенциальные возможности, открывающиеся перед странами ЕАЭС при объединении усилий в вопросе создания современного социального государства в масштабах всего Евразийского экономического союза.

Апеллируя вышесказанным, авторами работы выдвигается гипотеза, что однонаправленная, унифицированная социальная политика между членами ЕАЭС позволит:

- усилить интеграционные связи и, напротив, снизить «недопонимания и барьеры» в процессе политико-экономического дискурса;
- создать демонстрационный эффект для присоединения к процессам глубокой интеграции потенциально возможных членов.

Педалированием значимости второго тезиса следует считать заявление Президента РФ на Высшем совете ЕАЭС 10 декабря 2021 г., посвященном результатам работы Союза и дальнейшим перспективам развития объединения. В частности, в своей речи Президент РФ отметил, что страны (в том числе страны

бывшего СССР, не являющиеся членами ЕАЭС, — Узбекистан, Молдавия) время от времени интересуются статусом наблюдателя Евразийского союза. В данном формате они имеют возможность участвовать в деятельности органов всех уровней интеграционного объединения, наблюдать за процессом подготовки интеграционных документов¹.

Очевидно, что, получив статус «наблюдателя», потенциальные члены Союза переходят в активную стадию изучения «за и против» членства, активно исследуя любой кейс проявившегося положительно эффекта от присоединения к интеграционным процессам каждого его непосредственного участника. Принимая во внимание единообразие возникшего «социально выраженного фактора-вызова» как в странах — соседях членов ЕАЭС, так и далеко за их пределами (включая страны так называемого коллективного Запада) [18, р. 112–128], можно только вообразить результат от успешной реализации разработки системы «совершенной социальной модели ЕАЭС» и ее последующего «импорта» во все страны — участники Евразийского союза.

Актуальный дискурс по вопросам социальной политики в странах ЕАЭС

Для того чтобы выйти на устойчивый прорыв в отношении построения современного социального государства, его создателям не обойти ответа на базовые вопросы социального развития в массовых представлениях общества. На что, по мнению последнего, государственная власть должна акцентировать свое первостепенное внимание? Какое место занимает социальная политика в системе приоритетов населения стран — членов ЕАЭС?

Так, согласно проведенному Институтом социологии ФНИСЦ РАН исследованию², 64% опрошенных россиян причисляют социальную политику к основным приоритетам. В то же самое время 36% участвующих в исследовании соотечественников, напротив, не отметили в качестве приоритетной ни одной связанной с социальной тематикой проблемы. Возникает вопрос: респонденты действительно не считают социальную тему важной в существующих российских реалиях или не видят сколько-нибудь действенных шагов в разрешении усиливающегося социального кризиса, тем самым игнорируя возможность влияния на его развитие со стороны государственных органов власти?

Однако исследование продемонстрировало, что большая часть представителей российского общества по-прежнему относится к сторонникам патерналистской социальной модели. Более 75% не представляет возможным существование без поддержки государства.

Переосмысление потребности в социальной политике россиян отражается и в других опросах, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1990, 1996 и 2006 гг. Так, 37% населения в 1996 г. полагали, что социальную поддержку со стороны государства должны получать только нетрудоспособные граждане. В то время как в 2006 г. аналогичное мнение разделялось только 15% опрошенных респондентов. Аналогично больший оптимизм в 1996 г. россияне выражали в отношении защиты государством всех малоимущих граждан. Только 24% считало это целесообразным, в то время как спустя десять лет в необходимости защиты государством всех малоимущих выступало 50% респондентов.

Ориентируясь на исследование РАН, следует констатировать безальтернативность модели социальной политики на примере современной Российской Федерации. При этом, в целом поддерживая советскую патерналистскую модель социальной политики, участники опроса «неосознанно» не разделяют важнейшие ее составляющие. Так, исследование демонстрирует крайне низкий уровень общественной социальной солидарности.

Менее 50% считают необходимым действовать сообща при достижении жизненно важных целей, тогда как остальная часть опрошенных считает необходимым в любых жизненных ситуациях полагаться

¹ Высший совет ЕАЭС обсудил результаты работы и перспективы сотрудничества [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия (сайт). URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-12-2020-09.aspx> (дата обращения: 14.01.2022).

² Доклад по социальной политике РАН [Электронный ресурс] // Институт социологии ФНИСЦ РАН (сайт). URL: https://www.isras.ru/analytical_report_SocialPolicy_2.html (дата обращения: 16.01.2022).

исключительно на собственные силы. Эти и другие отличительные особенности демонстрируют различия в ментальном восприятии современным обществом вопросов государственной социальной политики.

Очевидно, что только нахождение баланса реальных инсайдов общества и эффективных социально-экономических государственных инструментов способно создать жизнеспособную базу для развития «совершенной социальной модели» не только отдельного государства, но и цепочки государственных образований, объединенных глубокими интеграционными связями.

Современное социальное государство и его особенности

Проанализируем понятие, функции и принципы такого государственного образования, как «социальное государство». Иными словами, определим признаки, позволяющие идентифицировать анализируемое государство как социальное. Так, А. У. Старшова в работе [15] называет социальным государством:

- обеспечивающее право гражданам страны на жизненный уровень, необходимый для жизнеобеспечения индивида и его семьи в рабочий период, а также в случае наступления безработицы, инвалидности, старости и т. д.;
- основа которого базируется на принципах справедливости, где неравномерное распределение экономических ресурсов не приводит к социальным конфликтам и изоляциям определенных групп общества вследствие предоставления последним в достаточном объеме государственной социально-культурной компенсации.

Автор предлагает рассматривать государство с трех углов зрения: концептуального — где социальное государство рассматривается в качестве идеи теоретико-научного познания, нормативного — закрепляющего социальную составляющую государства в его конституции и иных нормативно-правовых актах, а также практического — демонстрирующего реальное исполнение государственными органами власти решения насущных общественных социальных проблем.

В данном случае отдельного интереса заслуживает второй аспект, позволяющий дать правовую оценку социальности государства в контексте анализа его высшего нормативно-правового акта — конституции.

Рассмотрим наличие «нормативного аспекта» в конституциях стран Евразийского экономического союза. В Российской Федерации базовый перечень государственных гарантий перечисляется в Конституции РФ, закрепляющей:

- поддержку семьи, материнства и детей — ст. 38;
- социальное обеспечение по состоянию здоровья, возрасту, по причине потери кормильца, на воспитание детей — ст. 39;
- охрану здоровья и медицинской помощи — ст. 41 Конституции РФ, соответственно. Таким образом, социальные гарантии через механизмы долгосрочного воздействия на социально-экономические процессы в обществе обеспечивают воплощение на практике конституционных прав граждан РФ.

В свою очередь, в Конституции Республики Беларусь социальные обязательства государства перед обществом широко отражены в ст. 41–45 [2], согласно которым гражданам гарантируется обеспечение полной занятости, а в случае незанятости по независящим от гражданина причинам ему гарантируется обучение новым специальностям, повышение квалификации, а также пособие по безработице. Кроме того, в ст. 47 декларируется перечень категорий граждан, имеющих право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законодательством¹.

¹ Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 16.01.2022).

Социальный вопрос в Конституции Республики Казахстан не носит «патерналистский» характер, а ограничен описанием базовых прав граждан в данной сфере. В частности, декларируется право на гарантированный объем медицинской помощи, установленный законом (ст. 29), государством поощряется добровольное социальное страхование, а также создание других форм социального обеспечения (ст. 28). Кроме того, формулируется перечень обязательных социальных стандартов для разных категорий граждан, таких как минимальный размер оплаты труда и пенсий, социальные выплаты по старости, болезни, инвалидности, в случае потери кормильца и (как отмечается в документе) другим законным основаниям¹.

Конституция Кыргызской Республики провозглашает право граждан страны на бесплатное медицинское образование и медицинское обслуживание исключительно в рамках объема государственных гарантий, предусмотренных законодательством (ст. 47). Пенсии и социальная поддержка реализуются в увязке с экономическими возможностями государства, но не могут быть ниже установленного законодательством прожиточного минимума (ст. 53)². По аналогии с Конституцией Республики Казахстан поощряется добровольное социальное страхование. При этом в Конституции Кыргызской Республики нарочито подчеркивается, что деятельность государства в социальной сфере не должна иметь форму государственного попечительства! Ограниченно, в сравнении с Конституцией Республики Беларусь, регламентируется и деятельность кыргызского правительства в области регулирования трудовых отношений. В частности, отмечается обязательство государства в содействии повышению профессиональной подготовки граждан в порядке, предусмотренном законодательством.

Наконец, Конституция Республики Армения регламентирует в установленных законом формах предоставление государственной медицинской помощи и медицинского обслуживания (ст. 38), а также социального обеспечения по старости, инвалидности, болезни, в случае потери кормильца, безработице и в иных предусмотренных законодательством случаях³.

Таким образом, анализ «нормативного аспекта» конституций членов Евразийского экономического союза позволяет найти разночтения в стратегическом видении социальной политики государств — членов Союза без детального анализа иных нормативно-правовых актов участников ЕАЭС. Фактически прописывая идентичный комплекс государственных обязательств в области социальной сферы, члены ЕАЭС несут за их реализацию разную ответственность, что не может не сказываться на качестве обсуждения выработки единой системы совершенствования механизмов социальной защиты населения стран ЕАЭС.

В свою очередь, автор [14] утверждает, что современное социальное государство отличается отсутствием процессов огосударствления всех областей общественной жизни и ограничивается созданием нормативно-правовых, фискальных и прочих условий развития социализации различных сфер общества. В таких государствах социальная политика носит стимулирующий и предупреждающий эффект, представляя обществу в качестве социального блага не конкретный продукт, а равную возможность развития и самореализации.

Так или иначе, причисление конкретного государства к социальному напрямую связано с перечнем социальных признаков и функций, декларируемых им в качестве незыблемых обязательств перед своими гражданами. Так, председатель Конституционного суда РФ относит к приоритетной социальной функции государства возможность создавать надлежащую среду для воспроизводства жизнедеятельности человека как субъекта различных видов общественных отношений [3]. В. Е. Чиркин в работе [16] предлагает классификацию юридических признаков, способных отличить правовое государство от неправового. Используя данную методологию, проанализируем причастность стран ЕАЭС к социальному

¹ Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 16.01.2022).

² Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 16.01.2022).

³ Конституция Республики Армения [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Республики Армения (сайт). URL: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 16.01.2022).

государству по данной методологии на основе закрепленных в конституциях членов — участников ЕАЭС систем социальных индикаторов.

Таблица 1

Признаки социального государства в конституциях стран ЕАЭС
Table 1. Signs of a Welfare State in the Constitutions of the EAEU Countries

Страна	Россия	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Армения
Признаки социального государства					
Закрепление в Конституции функции частной собственности	Ст. 35. Право частной собственности охраняется законом	Ст. 44. Государство гарантирует каждому право собственности	Ст. 6. В Республике Казахстан признаются и равным образом защищаются государственная и частная собственность	Ст. 19. Частная собственность признается и гарантируется в Кыргызской Республике	Ст. 8. В Республике Армения признается и защищается право на собственность
Закрепление в Конституции положения о социальном партнерстве	Отсутствует	Ст. 14. Отношения в социально-трудовой сфере .... осуществляются на принципах социального партнерства	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
Социально-экономическое равноправие	Ст. 5. Федеративное устройство Российской Федерации основано на равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации	Ст. 13. Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества	Ст. 14. Все равны перед законом и судом	Ст. 22. Законы Кыргызской Республики о правах и обязанностях граждан должны одинаково применяться ко всем гражданам и не создавать ни для кого из них преимуществ и привилегий	Ст. 28. Все равны перед законом
Закрепление принципа социальной справедливости (установление МРОТ, регулирование вопросов занятости, пенсионного обеспечения и т. д.)	Ст. 75. В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости	Ст. 47. Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца	Ст. 24. Каждый имеет право на социальную защиту от безработицы. Ст. 28. Гражданину Республики Казахстан гарантируется минимальный размер заработной платы и пенсии, социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и по иным законным основаниям	Ст. 27. В Кыргызской Республике гарантируется социальное обеспечение за счет государства в старости, в случае болезни и утраты трудоспособности, потери кормильца	Ст. 11. Основой экономического строя Республики Армения является социальная рыночная экономика, направленная посредством государственной политики на общее экономическое благосостояние и социальную справедливость
Положение о социально ориентированной экономике	Ст. 34. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Не допускается экономи	Ст. 13. Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества	Ст. 1. Основопологающими принципами деятельности республики являются: общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа	Ст. 16. Каждый в Кыргызской Республике имеет право: на экономическую свободу, свободное использование способностей и имущества для	Ст. 58. Право на забастовку. Ст. 59. Свобода экономической деятельности и гарантия экономической конкуренции

Окончание табл. 1

Страна	Россия	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Армения
Признаки социального государства	ческая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию			любой экономической деятельности	
Социальная ответственность, призывающая людей трудиться, самосовершенствоваться	Ст. 75. В Российской Федерации гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда	Ст. 13. Государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении предприятиями, организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни.	Ст. 28. Поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность	Ст. 37. Социальная деятельность государства не должна приводить к замене государственным попечительством экономической свободы и активности гражданина самому достигать экономического благополучия для себя и своей семьи	Ст. 39. Человек свободен делать все то, что не нарушает прав других лиц и не противоречит Конституции и законам

Источник: составлено авторами на основе данных конституций стран — членов ЕАЭС.

Как мы видим из анализа признаков социального государства по методологии В. Е. Чиркина, разветвленная система социальных гарантий — атрибут, де-факто присущий всем странам — членам ЕАЭС.

Однако «социальным» в контексте «совершенной социальной модели ЕАЭС», по мнению авторов работы, должен считаться только субъект / интеграционное образование, способное обеспечивать граждан социальными гарантиями в количестве, предусмотренном минимальными международными стандартами. Кроме того, данный аспект должен найти документационное подтверждение в союзном документе, регламентирующем стандарты социальной политики евразийского интеграционного союза. Подобный правовой аспект минимизирует возможность манипуляции в вопросах социального обеспечения со стороны любого государственного образования в будущем и не позволит секвестировать бюджетные расходы в ситуации, когда их объем явно противоречит признанным общемировым практикам.

Неотъемлемой составляющей современного социального государства, по мнению Н. В. Путило, является прогрессивное налогообложение, т. е. увеличение налоговой нагрузки для граждан с более высоким доходом [12], а также законодательно закрепленные требования к размерам финансирования государственных расходов на социальную сферу [17, р. 75–81]. Важно отметить, что в настоящий момент концептуальный подход к вопросам налогообложения в странах Евразийского союза существенно различается, что не может не сказываться на характере интеграционных процессов внутри объединения [7]. Ссылаясь на налоговое законодательство стран — участников Союза, следует обозначить следующие тенденции:

- в Российской Федерации с 2021 г. появились элементы прогрессивной шкалы подоходного налога¹. Россияне с заработком выше 5 млн руб. в год начали платить налог на доход физических лиц в размере 15%, а не 13%, как остальные граждане;
- в Республике Беларусь к настоящему моменту действует плоская шкала подоходного налога в размере 13%. В то же самое время белорусское руководство рассматривает вариант перехода к прогрессивной шкале, введя так называемый «налог на богатство»;

¹ Как изменятся налоговые платежи россиян с 2021 года [Электронный ресурс] // РБК. 01.01.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/01/2021/5fe5c94d9a7947dd2e1419fd> (дата обращения: 16.01.2022).

- необходимость перехода к прогрессивной шкале налогообложения в Казахстане обсуждается на уровне президента республики и находится в числе государственных вопросов, требующих безотлагательного решения [5];
- существующая в Кыргызстане шкала подоходного налога является плоской и составляет 10%. На высшем уровне время от времени возникает дискуссия о переходе на прогрессивную шкалу. Тем более что подобный опыт у республики уже есть. В разные годы максимальная ставка прогрессивной шкалы доходила до 40%. При этом основное налоговое бремя ложилось на граждан среднего уровня, а не на богатый класс, поскольку высокий процент подоходного налога уплачивался гражданами с доходом от 200 долл. США в месяц;
- согласно налоговому законодательству Армении, в республике действует прогрессивная ставка налога, повышающаяся по мере роста дохода.

Таким образом, следует отметить, что в сравнении с Европейским союзом, где прогрессивная шкала применяется в большинстве стран, в ЕАЭС такой принцип в полной мере используется только в Республике Армения [10]. При этом очевидно единение членов союза в необходимости перехода к прогрессивному налогообложению. Все предпосылки для этого сегодня есть. Россия в 2021 г. сделала значительный шаг в данном направлении, в республиках Казахстан и Беларусь о реформировании подоходного налога говорят первые лица государства, а Кыргызстан имеет все шансы обратиться к прошлому, извлечь ошибки и успеть внедрить прогрессивную шкалу подоходного налога одновременно со всеми участниками Евразийского союза. Изучение вопроса современного социального государства невозможно вне контекста проживающего в его границах населения.

Важнейшим общепризнанным интегральным показателем качества жизни и видения гражданами будущего является Индекс человеческого развития (ИЧР), формируемый Организацией Объединенных Наций (ООН). Показатель предназначен для сравнения уровня жизни и настроений населения различных стран и регионов. Согласно методологии ИЧР, страны ЕАЭС в 2020 г. располагают следующими результатами¹.

Таблица 2

Показатели стран ЕАЭС по Индексу человеческого развития

Table 2. Indicators of the EAEU Countries According to the Human Development Index

Страна	Показатель индекса	Место в рейтинге
Россия	0,824	52
Беларусь	0,823	53
Казахстан	0,825	51
Киргизия	0,697	120
Армения	0,776	81

Источник: составлено авторами по данным отчета о человеческом развитии:

Human Development Index [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme (сайт). URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 10.03.2022).

Как показывает таблица, целая группа стран — участников союза размещается на соседних строчках индекса. Это означает, что граждане России, Белоруссии и Казахстана имеют схожую ожидаемую продолжительность жизни, одинаковый уровень образования и показатель дохода на душу населения. Иными словами, население данных стран имеет схожее видение будущего, а также предлагаемые обстоятельства, в рамках которых будет проходить жизнь каждого их представителя. На данный момент есть явный аутсайдер в динамике человеческого развития — Киргизия, а также догоняющая группу лидеров, но при этом также значительно отстающая Армения.

¹ В таблице представлены последние данные расчета Индекса человеческого развития (ИЧР) за 2020 г.

Анализируя места стран ЕАЭС в рейтинге ИЧР в динамике за несколько лет, нельзя не отметить стабильность их расположения в индексе начиная с 2019 г. Кроме того, именно в ближайшие два года наблюдается очевидная тенденция к сближению вышеперечисленных стран в рейтинге ИЧР¹.

Таблица 3

Динамика показателей стран ЕАЭС по Индексу человеческого развития

Table 3. Dynamics of Indicators of the EAEU Countries According to the Human Development Index

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	57	50	49	49	49
Беларусь	53	50	52	53	50
Казахстан	70	56	56	58	50
Киргизия	125	120	120	122	122
Армения	87	85	84	83	81

Источник: составлено авторами по данным отчета о человеческом развитии:

Human Development Index [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme (сайт). URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 10.03.2022).

Являясь проектом XXI в., Евразийский союз может стать успешным интеграционным образованием только на основе приоритетного активного использования человеческого потенциала [9]. При этом политика социального государства сегодня не может быть ограничена исключительно предоставлением безвозмездной государственной социальной помощи малоимущим категориям населения. Перспективный подход — построение социально-экономической системы, подвигающей граждан ЕАЭС к максимальному развитию своего врожденного и приобретенного потенциала. Подобное утверждение приобретает все большую актуальность в условиях вновь развивающегося мирового финансово-экономического кризиса [11].

Параллельно как в странах — членах ЕАЭС, так и в мире в целом возникает все большая потребность в борьбе с «социально-экономическими помехами», замедляющими или вообще останавливающими развитие и функционирование социального государства, важнейшей из которых является коррупционная составляющая во всех без исключения сферах общественной жизни [1; 6; 13]. Так, коррупция как экономическое явление оказывает разрушающее воздействие одновременно на экономические, социальные и даже культурные показатели развития страны, что активно сказывается в том числе на развитии стран Евразийского союза.

В частности, по заключению Евразийского банка развития (ЕБР), одним из основных драйверов экономического роста стран ЕАЭС должно стать снижение доли теневого сектора. Также в материале отмечается высокий уровень теневой экономики с возможной предпосылкой к его постепенному снижению². В опубликованном Международным валютным фондом рейтинге «Теневая экономика стран мира» наглядно продемонстрировано, какая доля от ВВП стран — членов Евразийского союза приходится на теневую экономику в процентном соотношении³.

¹ Евразийский экономический союз в цифрах : краткий статистический сборник [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. 213 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2020.pdf (дата обращения: 16.01.2022).

² Драйвером роста экономики стран ЕАЭС может стать снижение доли теневой экономики [Электронный ресурс] // Главные новости Кыргызстана. URL: <https://for.kg/news-487555-ru.html> (дата обращения: 19.01.2022).

³ Теневая экономика стран мира [Электронный ресурс] // Финкан.ру (fincan.ru). URL: http://fincan.ru/articles/95_tenevaja-ekonomika-stran-mira/ (дата обращения: 22.01.2022).

Доля теневой экономики в странах ЕАЭС

Table 4. The Share of the Shadow Economy in the EAEU Countries

Страна ЕАЭС	Доля теневой экономики от ВВП, %	Место в рейтинге «Теневая экономика стран мира»
Россия	38,42	49
Беларусь	44,52	24
Казахстан	38,88	45
Киргизия	37,92	51
Армения	42,59	34

Источник: составлено авторами по: Теневая экономика стран мира [Электронный ресурс] // Финкан.ру (fincan.ru). URL: http://fincan.ru/articles/95_tenevaja-ekonomika-stran-mira/ (дата обращения: 12.03.2022).

Опираясь на данные исследования, можно констатировать, что теневая экономика в странах ЕАЭС приближается к половине производимого ими валового внутреннего продукта, что закономерно влечет за собой снижение налоговых поступлений в бюджет, ослабляет рычаги управления экономикой и приводит к усугублению социальных проблем в обществе.

Другим важнейшим рецидивом последствий коррупции становится социальное неравенство разных слоев населения. Проанализируем показатели коэффициента Джини, R/P 10%, R/P 20%. Два последних показателя отражают распределение доходов богатейших 10% к беднейшим 10% и богатейших 20% к беднейшим 20% проживающих в странах Евразийского союза гражданам, соответственно.

Коэффициент Джини выражает уровень расслоения общества в стране и изменяется в диапазоне от 0 до 1 (или выражен в процентах), где динамика движения в сторону 1 означает усиление концентрации ресурсов в руках отдельных элитных групп [31].

Показатели уровня расслоения общества в странах ЕАЭС

Table 5. Indicators of the Level of Social Stratification in the EAEU Countries

Страна ЕАЭС	R/P 10, %	R/P 20, %	Коэффициент Джини, %
Россия	12,7	7,6	39,9
Беларусь	6,9	4,5	27,8
Казахстан	8,5	5,6	33,9
Армения	8,0	5,0	33,8
Киргизия	6,4	4,4	30,3

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. 445 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2020.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

Согласно данным Организации Объединенных Наций, уровень неравенства в странах Евразийского союза заметно варьируется. Российская Федерация в настоящий момент характеризуется самым высоким показателем, в то время как Республика Беларусь демонстрирует наименьший уровень расслоения населения по распределению внутристранового богатства. Остальные страны — Казахстан, Армения и Киргизия — занимают консолидированную промежуточную позицию в условном рейтинге социально-го расслоения стран ЕАЭС.

В долгосрочной перспективе существующая страновая дифференциация в распределении доходов, в частности, и показателей коррупционной составляющей, в целом, может стать препятствием для глубокой интеграции и получения последующего мультипликативного интеграционного эффекта для единой социально-экономической системы стран евразийского экономического партнерства [4].

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Глазунова А. А., Толоконникова Е. В. Актуальные проблемы противодействия коррупции на государственной службе / Актуальные проблемы права: материалы IV междунар. науч. конф. (Москва, ноябрь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2015. С. 193–196.
2. Гущин И. В. К вопросу о возникновении, становлении и развитии системы социальной защиты граждан в Республике Беларусь. Минск : Бизнесофсет, 2014. 480 с.
3. Зорькин В. Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 46–50.
4. Ишуков А. А. Развитие концепции «Центр — Периферия» на примере интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 3. С. 589–599. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.6>
5. Ищук Т. Л., Баймухаметова А. С. Реформирование шкалы подоходного налогообложения физических лиц в России и Республике Казахстан // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1. С. 42–48.
6. Котляров С. Б., Чичеров Е. А. Подходы к определению коррупции, ее причины и последствия // Казанская наука. 2015. № 10. С. 257–259.
7. Лагкуева И. В. Вопросы налоговой интеграции государств — членов Евразийского экономического союза // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 9. С. 204–214.
8. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности : аналитический доклад / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 28 с.
9. Перепелкина Е. В. Анализ человеческого развития в процессе формирования Евразийского экономического союза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 4. С. 57–63.
10. Петросян Е. Г. Пути гармонизации систем налогообложения в странах Евразийского экономического союза // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 6. С. 222–241.
11. Полух М. А. К вопросу о понятии и сущностном содержании концепции социального государства // Четвертая международная научная конференция «Юридические науки: проблемы и перспективы». Казань : Бук, 2016. С. 20–23.
12. Путило Н. В. Юридические критерии социального государства. Новые подходы // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 15–25.
13. Пьянзин Д. Н. Причины возникновения коррупции: историко-правовой аспект. СПб. : Свое издательство, 2015. 143 с.
14. Симоянов А. Социальное государство: суть, критерии, индикаторы // Философско-литературный журнал «Логос». 2014. № 2. С. 215–233.
15. Старшова У. А. Понятие, признаки и перспективы развития современного социального государства: российский и зарубежный опыт // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 48–53.
16. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 24–37.
17. Dutkiewicz P., Sakwa R. Eurasian Integration — the View from Within. London : Routledge. 2015. 342 p. <https://doi.org/10.4324/9781315738154>
18. Hamilton D. S. The Geopolitics of TTIP: Repositioning the Transatlantic Relationship for a Changing World. Washington, DC : Center for Transatlantic Relations. 2014. 170 p.

Об авторах:

Рубцов Геннадий Геннадьевич, соискатель ученой степени кандидата наук в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: genadij.rubtzov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0296-878X>

Мисько Олег Николаевич, заведующий кафедрой экономики факультета экономики и финансов в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; доцент;
e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

References

1. Glazunova A. A., Tolokonnikova E. V. Actual Problems of Combating Corruption in the Public Service. Actual Problems of Law: materials of the IV Intern. scientific conf. (Moscow, November 2015). Moscow : Buki-Vedj, 2015: 193–196. (In Rus.)
2. Gushchin I. V. On the Issue of the Emergence, Formation and Development of the System of Social Protection of Citizens in the Republic of Belarus. Minsk : Biznesofset, 2014. 480 p. (In Rus.)
3. Zorkin V. D. Social State in Russia: Problems of Implementation. *Comparative Constitutional Review* [Srvavnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie]. 2008; (1): 46–50. (In Rus.)
4. Ishukov A. A. The “Center-Periphery” Model for Analysis of Regional Integration (The Case of the European Union and the Eurasian Economic Union). *AlterEconomics (previously The Russian Journal of Economic Theory from 2004 to 2021)* [Zhurnal ekonomicheskoy teorii]. 2020; 17 (3): 589–599. (In Rus.)
5. Ishchuk T. L., Baimukhametova A. S. Reforming the Scale of Personal Income Taxation in Russia and the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2021; (1): 42–48. (In Rus.)
6. Kotlyarov S. B., Chicherov E. A. Approaches to the Definition of Corruption, Its Causes and Consequences. *Kazan Science* [Kazanskaya Nauka]. 2015; (10): 257–259. (In Rus.)
7. Lagkueva I. V. Issues of Tax Integration of the Member States of the Eurasian Economic Union. *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin* [Vestnik Universiteta imeni O. Ye Kutafina]. 2020; (9): 204–214. (In Rus.)
8. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. Inequality in Russia Against the Backdrop of Other Countries: Income, Wealth, Opportunities : Analytical Report / HSE University. Moscow : HSE, 2021. 28 p. (In Rus.)
9. Perepelkina E. V. Analysis of Human Development in the Process of Formation of the Eurasian Economic Union. *Bulletin of the Voronezh State University. Series : Economics and Management* [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye]. 2017; (4): 57–63. (In Rus.)
10. Petrosyan E. G. Ways of Harmonization of Taxation Systems in the Countries of the Eurasian Economic Union. *Economic Policy* [Ekonomicheskaya politika]. 2016; 11 (6): 222–241. (In Rus.)
11. Polyukh M. A. On the Issue of “The Concept” and the Essential “Content” of the Concept of the “Social” State. Fourth International Scientific Conference “Legal Sciences: Problems and Prospects”. Kazan : Buk, 2016: 20–23. (In Rus.)
12. Putilo N. V. Legal Criteria for a Social State. New Approaches. *Journal of Russian Law* [Zhurnal rossiyskogo prava]. 2016; (10): 15–25. (In Rus.)
13. Pyanzin D. N. Causes of Corruption: Historical and Legal Aspect. St. Petersburg : Own publishing house, 2015. 143 p. (In Rus.)
14. Simoyanov A. Social State: Essence, Criteria, Indicators. *Philosophical and Literary Journal “Logos”* [Filosofsko-literaturnyy zhurnal «Logos»]. 2014; (2): 215–233. (In Rus.)
15. Starshova U. A. The Concept, Signs and Prospects for the Development of a Modern Social State: Russian and Foreign Experience. *Legal Policy and Legal Life* [Pravovaya politika i pravovaya zhizn']. 2018; (4): 48–53. (In Rus.)

16. Chirkin V. E. The Constitution and the Social State: Legal and Factual Indicators. *Journal of Russian Law* [Zhurnal rossiyskogo prava]. 2008; (12): 24–37. (In Rus.)
17. Dutkeiwicz P., Sakwa R. Eurasian Integration — the View from Within. London : Routledge. 2015. 342 p. <https://doi.org/10.4324/9781315738154>
18. Hamilton D. S. The Geopolitics of TTIP: Repositioning the Transatlantic Relationship for a Changing World. Washington, DC : Center for Transatlantic Relations. 2014. 170 p.

About the authors:

Gennady G. Rubtsov, Applicant for the Degree of Candidate of Sciences at the North-Western Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: genadij.rubtzov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0296-878X>

Oleg N. Misko, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Economics, Faculty of Economics and Finance, North-Western Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>